

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 4 (85). С. 36–47.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2025. Vol. 4 (85). P. 36–47.

Научная статья
УДК 94(470)“16/18”
doi: 10.54398/1818-510X.2025.85.4.003

СУБКУЛЬТУРА МАТРОСОВ РОССИЙСКОГО И СОВЕТСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Бочаров Алексей Алексеевич , **Коломейцев Иван Владимирович**

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия

alek.bocharov2014@yandex.ru , <https://orcid.org/0000-0001-7568-8581>

kolomejsev_iv@spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7411-3145>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена важностью изучения субкультур российского общества и их взаимосвязи с процессами социально-политической трансформации общества. Целью работы является изучение матросской субкультуры и взаимосвязи ее развития с процессами трансформации российского общества. В исследовании использованы следующие источники: неопубликованные архивные материалы, публикации документов, материалы периодической печати, воспоминания современников. Исследование носит междисциплинарный характер. Используются сравнительно-исторический и историко-генетический методы исследования, а также методы социальной и политической философии. Рассмотрены ключевые элементы матросской субкультуры: форма одежды и внешний вид, поведенческие особенности носителей субкультуры, татуировки. Изучены меры по борьбе с негативными проявлениями матросской субкультуры, предпринятые командованием военно-морского флота Российской империи и Советской России. Сделан вывод о том, что матросская субкультура, оформившаяся во второй половине XIX – начале XX в., в годы революции 1917 г. и Гражданской войны приобрела новые формы, явившиеся следствием изменения внутривнутриполитической обстановки того периода и временного исчезновения внешней регламентации общественной жизни. Доказана связь между матросской субкультурой 1920-х гг. и субкультурой уголовного мира раннего СССР. Показано, что переход советского общества к жестким стандартам внешнего вида и поведения его членов в конце 1920-х – 1930-е гг. сказался и на субкультуре матросов военно-морского флота, наиболее яркие проявления которой «ушли в подполье». Таким образом, установлено, что матросская субкультура эволюционировала под влиянием социально-политических процессов в стране. Укоренение советской власти нивелировало проявления матросской субкультуры, однако полностью ее проявления устранить не удалось.

Ключевые слова: российский военно-морской флот, советский военно-морской флот, общество, субкультура, матросы, «клешники», уголовная субкультура, татуировка, матросские песни, матросские танцы

Для цитирования: Бочаров А. А., Коломейцев И. В. Субкультура матросов российского и советского военно-морского флота второй половины XIX – первой трети XX в.: исторический аспект // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 4 (85). С. 36–47. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.85.4.003>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**SUBCULTURE OF SAILORS OF THE RUSSIAN AND SOVIET NAVY
IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURIES:
HISTORICAL ASPECT**

Aleksey A. Bocharov[✉], **Ivan V. Kolomeitsev**

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
alek.bocharov2014@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-7568-8581>
kolomeitsev_iv@spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7411-3145>

Abstract. This study addresses the significance of analyzing subcultures within Russian society in the context of broader socio-political transformations. The aim of the research is to explore the sailor subculture and how its development correlates with societal transformations in Russia. The study draws upon unpublished archival materials, published documents, periodical press sources, and memoirs of contemporaries. It adopts an interdisciplinary approach, utilizing comparative-historical and historical-genetic research methods, along with tools from social and political philosophy. Key elements of the sailor subculture are analyzed, including clothing and overall appearance, behavioral patterns, and tattoos. The study also examines the measures taken by the command of the Imperial Russian Navy and the Soviet Navy to combat the negative aspects of sailor subculture. The research concludes that the sailor subculture, which took shape in the second half of the 19th and early 20th centuries, underwent significant changes during the 1917 Revolution and the Civil War. These changes were influenced by shifts in the domestic political climate and the temporary loosening of societal regulations. A connection is established between the sailor subculture of the 1920^s and the criminal subculture of the early Soviet Union. It is shown that the Soviet transition to strict norms of appearance and behavior in the late 1920^s–1930^s also affected the sailor subculture, forcing its more distinctive manifestations underground. Thus, the study demonstrates that the sailor subculture evolved under the influence of socio-political processes in the country. While the consolidation of Soviet power suppressed many aspects of sailor subculture, it could not completely eliminate them.

Keywords: Russian Navy, Soviet Navy, society, subculture, sailors, “kleshniki”, criminal subculture, tattoos, sailor songs, sailor dances

For citation: Bocharov A. A., Kolomeitsev I. V. Subculture of sailors of the Russian and Soviet navy in the second half of the 19th – first third of the 20th centuries: historical aspect. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2025, no. 4 (85), pp. 36–47. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.85.4.003> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Вооруженные силы любых государств всегда являются отражением общества и протекающих в нем процессов. Научная новизна данной работы определяется тем, что в статье впервые представлены результаты комплексного междисциплинарного исследования субкультуры матросов российского и советского военно-морского флота. Целью исследования является изучение матросской субкультуры и взаимосвязи ее развития с процессами трансформации российского общества.

Начало интереса к изучению субкультур можно отнести к 20-м гг. XX в. в США, где в поле зрения исследователей попали криминальные группировки г. Чикаго, отвергавшие бытовавшие в указанный период ценности социума и вступавшие в открытый антагонизм с ними. В мировом гуманитарном знании феномены субкультуры и контркультуры лежат прежде всего в предметном поле культурологии и социологии, а также социально-политической философии. Вместе с тем перспективным представляется изучение исторических и социально-политических аспектов субкультур. Такое исследование и представлено в данной работе.

Термином «субкультура» (от лат. sub – «под» и cultura – «культура») чаще всего именуют часть культуры общества, отличающуюся поведением ее носителей от поведения преобладающего большинства. Субкультуры образуются на различных ос-

новах: национальной, профессиональной, возрастной, географической и т. п. Они могут отличаться от культур большинства собственными системами ценностей, особенностями языка, одежды, поведения. В настоящее время, в связи с попаданием в предметное поле исследований огромного количества субкультурных сообществ, универсальное определение понятия «субкультура» отсутствует.

В исследовании использован широкий круг источников: неопубликованные архивные материалы Российского государственного архива Военно-морского флота (РГАВМФ), публикации документов, материалы периодической печати, воспоминания, официальные материалы ведомственных изданий Морского министерства Российской империи и командования Военно-морского флота СССР, а также художественная литература. Матросская субкультура остается почти неизученной в отечественной историографии. Некоторые стороны субкультуры матросов ранее были рассмотрены в небольшой работе одного из авторов данного исследования [4, с. 424–431].

Исследование основано на принципах объективности и историзма, в рамках междисциплинарного подхода рассмотрена взаимосвязь между сменой политических режимов, развитием социальных процессов и трансформацией субкультуры матросов. Факты, выявленные в ходе исследования, проанализированы с использованием общеполитических методов, таких как сравнительно-исторический и историко-генетический, а также методов социально-политической философии.

Основная часть

В период реформ начала правления императора Александра II у морских офицеров зародился интерес к изучению внутренней жизни матросской среды. В официальных источниках начала 1860-х гг. можно встретить первые упоминания о том, что в настоящее время можно с уверенностью назвать проявлениями матросской субкультуры. За более ранний период (XVIII – первая половина XIX в.) в имеющихся источниках данные о существовании субкультуры матросов отсутствуют. Скорее всего, это объясняется не отсутствием в указанный период матросской субкультуры как таковой, а тем, что военно-морское командование в те годы не проявляло интереса к особенностям повседневной жизни и поведения матросов.

В первую очередь обратимся к упоминаниям в источниках матросских песен и танцев. К сожалению, упоминания о них отрывочны. Так, командир клипера «Разбойник» капитан-лейтенант Ратьков в одном из рапортов за 1860 г. описал переход через экватор, который команда клипера отпраздновала песнями, плясками и лишней чаркой водки [25, с. 136].

В 1862 г. около порта Поти персидский посол посетил корвет «Кречет», совершавший плавание в Черном море. Матросские песни и особенно танцы понравились послу, и он подарил танцевавшим 15 руб. серебром [19, с. 150].

Описаний матросских танцев обнаружить не удалось. Это не дает возможности подтвердить распространенную в популярной литературе версию о связи танцев русских матросов, в частности танца «Яблочко», с англо-ирландскими народными танцами джиги и хорнпайп и французским матросским танцем матлот, хотя, учитывая контакты русских моряков с иностранными матросами, такое предположение представляется вполне вероятным.

В 1860-е гг. частью русских морских традиций стал так называемый Праздник Нептуна, или, как его чаще называли морские офицеры, День пересечения экватора. Впрочем, этот праздник изначально, скорее всего, не был частью матросской субкультуры, а вошел в нее по инициативе офицеров, как можно предположить, познакомившихся с ним благодаря контактам с моряками других флотов.

Капитан-лейтенант Ратьков в упомянутом рапорте 1860 г. писал, что хотел отпраздновать «по-иностранному» переход через экватор, но увидев, что команда ничего не поймет в этом празднике и что вряд ли он доставит ей удовольствие, отменил празднование [25, с. 136]. Вероятно, под празднованием «по-иностранному» подразумевался широко известный ритуал с участием ряженых Нептуна, Амфитриты и т. п., сопровождавшийся купанием моряков, впервые пересекавших экватор.

В то же время рапорты командиров других русских военных судов того времени указывают на распространенность этого праздника среди членов команд. 21 января 1863 г. фрегат «Дмитрий Донской» пересек экватор в Атлантическом океане. Как свидетельствует рапорт командира фрегата капитан-лейтенанта Беклешова, на фрегате был отслужен молебен, а затем проведен ритуал купания моряков, впервые пересекших экватор [23, с. 234].

Рапорт командира фрегата «Аскольд» содержит забавные подробности участия матросов в празднике по поводу пересечения экватора 25 октября 1865 г. Праздничную процессию возглавляли «Нептун» с трезубцем в руке и консервной банкой на голове и «Амфитрита» в костюме, сшитом из флагов, с поросенком на руках (роли античных божеств исполняли матросы). Кульминацией праздника был ритуал купания в ванне, перед которым каждого участника брили, «предварительно вымазав лицо какою-то дрянью» [12, с. 2].

Широкое распространение на кораблях в те годы получили самодеятельные спектакли. Так, командир фрегата «Дмитрий Донской» капитан-лейтенант Беклешов сообщал о трех таких спектаклях («Булочная», «Мельник» и «Дочка его благородия»), разыгранных матросами во время плавания в Атлантическом океане [24, с. 46–47].

Обратимся к более позднему свидетельству, относящемуся к 1905 г. Речь идет о судовом празднике на одном из кораблей 2-й Тихоокеанской эскадры во время ее перехода с Балтики на Дальний Восток. Со дня выхода из балтийского порта Либавы команда разучивала текст водевиля для представления в праздничный день. В день судового праздника была отслужена обедня, затем последовали обед и отдых, а в два часа дня свободные от службы матросы и офицеры собрались на палубе, где из флагов была устроена сцена. Участниками представления были матросы-любители. Кроме водевиля «Барин плох, слуга жох» самодеятельные актеры позабавили зрителей пением хором, выступлениями рассказчиков, балалаечников, гармонистов и даже пантомимой [1, с. 356].

Важным элементом субкультуры является внешний вид и одежда ее носителей. Современный писатель М. Н. Кураев пишет: «Кто служил в армии, тот знает цену таким, с гражданской точки зрения, мелочам, как чуть-чуть суженные или расширенные против нормы клешы, чуть укороченный или опять же удлинненный бушлат или доведение края бескозырки до бритвенной остроты» [15, с. 205].

Неудивительно, что одним из самых выразительных элементов матросской субкультуры стали особенности одежды и внешнего вида матросов. Именно на них обращали внимание морские офицеры, которым мы во многом и обязаны сведениями о субкультуре матросов. Любые отступления от предписанных правилами внешнего вида должны были решительно пресекаться. Так, в одном из документов начала XX в. указывалось, что особое внимание офицеров должно быть направлено на содержание нижних чинов «в чистоте и опрятном виде, приличном воинскому чину, который при небрежении и отпускании коков или чубов и в грязном ободранном одеянии становится похож на бандита, или в лучшем случае принимает фатовато-пошлый облик, особенно излюбленный некоторыми писарями и нестроевыми чинами» [17, с. 22].

В документе были перечислены «главные дефекты» внешнего вида матросов, с которыми следовало бороться офицерам. Укажем некоторые из них: коки, чубы и другие замысловатые прически вплоть до всклокоченной гривы; зашлифованные ленточки фуражек булавками; удлинение ленточек по сравнению с официальным образцом и их разрисовывание елочками и флагами; переделка фуражек по образцу, принятому в немецком флоте; ношение шелковых синих воротников; ношение чисто белых без полос нательных рубах; разукрашивание синих воротников и обшлагов узорными строчками; переделка синих фланелевых рубах с их зауживанием, обрезание больших воротников и выкройка косых воротников; переделка брюк для носки с подтяжками и с пружкой сзади; ношение золоченых или нечищенных пуговиц [17, с. 22–23].

Одним из заметных элементов матросской субкультуры была татуировка. Скорее всего, традиция наносить татуировку сложилась в ходе дальних плаваний

русских военных кораблей в середине и второй половине XIX в. Практика татуирования была заимствована у жителей Китая, Японии и островов Тихого океана. Первые татуировки отечественным морякам могли быть сделаны профессионально в японских и китайских портах, а затем эта практика распространилась и среди команд кораблей. Возможно, некоторое влияние на появление татуировок в российском флоте оказали и контакты русских моряков с моряками иностранных государств, среди которых татуировки были распространены значительно раньше. Татуировкой украшали свое тело некоторые офицеры, но наиболее широко татуирование распространилось среди нижних чинов.

Согласно имеющимся данным, первые письменные свидетельства о нательных рисунках у моряков относятся к 1887 г. В тот период татуировки были зафиксированы у членов экипажей, арестованных за нарушения во время несения службы и отправленных в дисциплинарный батальон г. Бобруйска. Командир батальона указывал: «почти все нижние чины, прибывшие из флота, раскрашены какою-то едкою краскою в роде татуировки, причем изображения на теле бывают различные: крест, Богоматерь, Всевидящее Око, якоря с цепями, голые женщины в соблазнительных позах и даже фигуры, производящие акт совокупления» [26, л. 2–3].

В январе 1888 г. начальник Главного морского штаба вице-адмирал Н. М. Чихачев отдал распоряжение о запрете матросам делать татуировки и призвал офицеров строго наблюдать за выполнением этого требования [26, л. 25–25 об.].

Своеобразным защитником татуировки стал вице-адмирал С. П. Шварц, занимавший пост главного командира Кронштадтского порта. В своем послании адмиралу Чихачеву от 18 марта 1888 г. он доказывал, что татуировка широко распространена среди моряков разных государств, поэтому нет оснований лишать русских матросов данной традиции. Шварц полагал, что вместо полного запрета татуировок разумнее установить ограничения, исключая лишь те изображения, которые «оскорбляют чувство нравственности». Примечательно, что вице-адмирал предложил оригинальный метод искоренения «непристойных» татуировок: закрасивание их новыми узорами, но уже с «благопристойным» смыслом. Таким образом, вместо репрессивных мер он предлагал своеобразную «эстетическую коррекцию» [26, л. 22–22 об.].

Новые свидетельства о матросских татуировках относятся к началу XX в. В 1913 г. при медицинских осмотрах нижних чинов Балтийского флота было обнаружено много татуированных матросов. Реакция военно-морского командования была банальной: татуировку запретить, на татуированных матросов наложить дисциплинарные взыскания. Любопытно мнение одного из участников переписки по этому вопросу, исполнявшего должность начальника штаба Кронштадтского порта капитана 1 ранга А. Г. Бутакова. Он считал, что рисунок матросской татуировки в большинстве случаев выполнен с большим искусством [27, л. 166–166 об.].

Писатель К. Г. Паустовский вспоминал виденную им в годы Гражданской войны матросскую татуировку и иронически описывал ее как «пышную и утрашающую». О ее рисунке Паустовский писал так: «Помню только путаницу женских ног, сердец, кинжалов и змей. Сизый пороховой рисунок татуировки был сдобрен розовой, как земляничный сок, краской. Если у татуировок бывает стиль, то это был стиль “рококо”» [19, с. 762].

Писатель А. Веселый (Н. И. Кочуров, 1898–1938), служивший в 1922 г. в Черноморском флоте, упоминал вытатуированные на груди матроса слова «Боже, храни моряка» [9, с. 376].

Общеизвестна роль матросов в революционных событиях 1917 г. А. Н. Толстой писал: «Матросы, связанные тесною жизнью на море, смелые и ловкие, видавшие океаны и чужие земли, более развитые, чем простые солдаты, и более чувствующие непроходимую черту между офицерской кают-компанией и матросским кубриком, — были легко воспламеняемой силой. Ею в первую очередь воспользовалась революция» [30, с. 344].

В период революции 1917 г. и Гражданской войны матросская субкультура претерпела большие изменения. В первую очередь они были связаны с переменами во внешнем виде матросов. Некоторые современники отмечали, что падение старой власти было воспринято низами общества как возможность не только упразднить административные стеснения, но и отказаться от любых норм поведения, в том числе связанных с регламентацией внешнего вида людей [6, с. 129].

В годы революции, Гражданской войны и первых лет нэпа среди матросов было отмечено появление новых типажей, получивших во флотской и околофлотской среде наименования «жоржиков», «клёшников» и «иванморов». Одними из первых на новое явление откликнулись представители художественной среды. Колоритное описание внешнего вида революционного матроса оставил И. А. Бунин. На страницах его книги «Окаянные дни» можно встретить такие строки: «Закрою глаза и все вижу, как живого: ленты сзади матросской бескозырки, штаны с огромными раструбами, на ногах бальные туфельки от Вейса, зубы крепко сжаты, играет желваками челюстей...» [7, с. 94].

Еще более эпатажно выглядит словесный портрет революционного матроса, нарисованный одним из мемуаристов, вице-адмиралом Г. Ф. Цывинским. Он описал то, как стали выглядеть многие матросы после февраля 1917 г.: «Изображая из себя отчаянных моряков, они бродили по улицам – фуражка на затылок, чуб на лбу с добрую копну, руки в карманах штанов с широчайшим “клеш”, болтавшимся как юбка, с голой шеей и грудью декольте, в полупьяном виде – они напоминали собой скорее подгулявшую уличную проститутку, чем моряка» [32, с. 341–342].

Термин «жоржики» в источниках начинает фигурировать в связи с событиями, предшествовавшими Кронштадтскому восстанию 1921 г., и с самим этим восстанием. Политработник С. В. Фоменко так описывал внешний вид некоторых матросов – участников Кронштадтского восстания: «Представьте себе матросов нового типа, называемых на морском жаргоне “Жоржик” – по пояс декольтированных, в фуражке без подкладки и в беспорядке, скомканная, еле держится на затылке, бушлат, как водится, всегда нараспашку, с наганом, висящим в центре живота» [14, с. 617].

Несколько позже внешний вид «жоржиков» нашел отражение на страницах ведомственного издания советского военно-морского флота журнала «Красный флот». В качестве примера приведем иллюстрации «Жоржик в картинках», опубликованные в «Красном флоте» в 1923 г. Они включают четыре карикатуры, объединенных в два раздела: «На берегу» и «В море». Первая иллюстрация из раздела «На берегу» изображает матроса с взлохмаченными волосами, в широких клешах и ботинках на высоком каблуке, сидящего в кресле перед зеркалом с папиросой в зубах. На второй – матрос с девушкой на набережной Невы. В зубах матроса трубка, из-под бескозырки свисает чуб. Вероятно, с точки зрения автора иллюстраций, эти изображения подчеркивали элементы бравады и ухарства в облике и поведении «жоржиков». Раздел «В море» показывает «жоржика» на борту корабля. На первой иллюстрации он стоит на палубе, ссутулившись и засунув руки в карманы, отвернувшись от своих более подтянутых товарищей, а на второй «жоржика», очевидно, страдающего морской болезнью, рвет на палубу [10, с. 110].

Шокирующее впечатление на современников произвели облик и поведение участников добровольческого матросского отряда под командованием П. Е. Дыбенко, отправившегося в феврале 1918 г. на защиту Петрограда от наступления немецкой армии. М. Д. Бонч-Бруевич писал: «Отряд Дыбенко не внушал мне доверия: достаточно было взглянуть на эту матросскую вольницу с нашитыми на широченные клеша перламутровыми пуговичками, с разухабистыми манерами, чтобы понять, что они драться с регулярными немецкими частями не смогут» [3, с. 260–261].

Один из выразительных элементов внешнего вида матросов – чрезмерно расширенные в нижней части брюки – породил и термин «клешники» по отношению к части матросов, у которых проявления субкультуры приняли наиболее яркий

и эпатажный характер. А. Веселый упомянул «обхлестанные клешши шириною в поповские рукава» [8, с. 5].

Среди частушек, опубликованных в одном из комсомольских изданий Урала и Сибири, можно было найти такие: «Комсомольцы моряки, что наделали? Наши юбки на клеш переделали!» [13, с. 43].

Упоминания матросских клешшей встречаем в некоторых образцах песенного творчества матросов 1920-х гг. Автор текста песни «Клешши» утверждал: «Ах, клешши широкий – в нем смысл глубокий». Ему вторил автор текста песни «Кронштадтское танго»: «Наш клешши широкий – Коммуны знамя. Огнем горит, как будто пламя. Широкий клешши и папиросы – душа военного матроса» [20, с. 47–51].

Происхождение термина «иванморы» установить не удалось.

Наряду с внешним видом важным элементом любой субкультуры являются поведенческие практики, связанные с противостоянием «своих» и «чужих», т. е. относящихся к данной субкультуре и чуждых ей. В случае матросской субкультуры это проявлялось, насколько можно судить, в противостоянии верхней (палубной) и нижней (машинной) команд на корабле, а также в вызывающем и агрессивном поведении матросов по отношению к солдатам сухопутной армии и гражданским лицам. Автор одной из журнальных заметок 1920-х гг., скрывшийся под псевдонимом «Бугрид», назвал неприязнь между верхней и нижней командами на почве спора о том, кто больше работает, «отрыжкой старого флота». По мнению этого автора, в дореволюционное время такая неприязнь поддерживалась офицерами, которым было выгодно сеять рознь в рядах матросов. Неприязнь отразилась и в кличках, которыми наградили друг друга представители палубной и машинной команд: «рогали» (верхняя команда) и «духи» (нижняя) [5, с. 3].

Как и в дореволюционный период, отношение командования советского флота к матросской субкультуре сводилось к стремлению привести внешний вид и поведение матросов к некоей «норме», соответствующей строгому выполнению требований уставов. В официальных материалах проявления субкультуры матросов трактовались как нарушение уставных требований и предписанной формы одежды. Один из авторов «Морского сборника» за 1925 г. писал: «Возьмите фигуру военмора, бодро шествующего по Конногвардейскому, с расстегнутой шинелью, с кушаком, застегнутым сзади, и с лихо выпущенными рожками из-под приотвешенной на затылке фуражки. Это “герой нашего времени”. Полный “наплеви́зм” на все и вся, конечно, – видимый, напускной, и в первую очередь в отношении своей одежды. Это своего рода фатовство» [26, с. 32].

Иногда дурной пример рядовым краснофлотцам подавали их командиры. Так, автор одной из статей «Морского сборника» за 1925 г. сетовал на то, что командиры, обязанные контролировать у своих подчиненных-матросов соблюдение уставных требований к форме одежды и внешнему виду, сами грешат в этом отношении, демонстрируя неряшливость и пренебрежение требованиями уставов: «К сожалению, можно и сейчас встретить командиров, у которых на голове подобие спутанной львиной гривы, ботинки серо-рыжего цвета, из-под брюк спускаются грязные носки, ободранный китель расстегнут на все пуговицы и крючки и открывает сильно заношенную рубашку и просаленный воротник» [2, с. 37].

Военно-морское командование в середине 1920-х гг. активно боролось с нарушениями уставных требований к внешнему виду и форме одежды краснофлотцев. Как утверждалось в одной из публикаций в «Морском сборнике», в течение зимнего периода 1924–1925 гг. ситуация в этом отношении значительно улучшилась. Среди краснофлотцев, за редким исключением, уже не было видно людей в расстегнутых шинелях с болтающимися поясами, незашнурованных ботинках, рваном обмундировании, заломленных на затылок или набекрень фуражках. Не было видно смешения форменной одежды с неформенной: «Вместо этого глаз прохожих встречал чисто, аккуратно одетых краснофлотцев с хорошей строевой выправкой и воинским видом» [18, с. 27].

Одной из главных мишеней борьбы командования с проявлениями матросской субкультуры были неуставные прически матросов. Один из авторов в 1926 г. утверждал, что к этому времени в Балтийском флоте удалось добиться того, что все краснофлотцы ходили коротко остриженными, в отличие от матросов других флотов, отличавшихся «сильно запущенной шевелюрой» [29, с. 15].

Следует коснуться и распространенности наркотиков среди личного состава флота. Судя по некоторым данным, наркомания получила широкое распространение среди матросов в период Гражданской войны и в первые годы после ее завершения. И. А. Бунин писал: «Говорят, матросы, присланные к нам из Петербурга [в Одессу], совсем осатанели от пьянства, от кокаина, от своеволия» [9, с. 162].

Матросами употреблялся не только кокаин, но и морфий. По некоторым сведениям, в период революции на одном из военных кораблей существовал «клуб морфинистов», члены которого организовано добывали морфий и даже проводили некие «заседания». Клуб активно привлекал в свои ряды новичков. Проблема наркомании изучалась в тот период в клинике профессора В. П. Осипова в Военно-медицинской академии. С 1919 по 1922 г. в ней прошли обследование и лечение 42 чел., в их числе 4 краснофлотца, 9 красноармейцев и 8 командиров (без уточнения того, были ли они командирами армии или флота) [31, с. 229, 232].

Наркотики проникали даже в стены тюремных учреждений, в которых оказывались матросы. Так, в 1920 г. одного матроса осудили за самовольную отлучку и употребление наркотиков и приговорили к двум месяцам заключения на гауптвахте и трем месяцам пребывания в штрафной роте. Отбывая наказание, он продолжал употреблять наркотики [31, с. 234].

В источниках 1920-х гг. мы встречаем свидетельства взаимосвязи матросской и уголовной субкультур, в частности сведения о распространении татуировок в криминальном мире. У некоторых преступников, участвовавших в изнасиловании в Чубаровом переулке в Ленинграде в 1926 г., на теле были татуировки. Современники объясняли это дурными примерами, почерпнутыми в детстве на улице [31, с. 272–273].

Но каким образом и от кого татуировки могли проникнуть в быт низших слоев российского общества? Скорее всего, каналом проникновения татуировок в общество тогдашней России в целом и в его криминальные слои была именно субкультура матросов, так как у представителей других социальных групп, как в дореволюционный период, так и в первые годы после революции, не зафиксировано пристрастия к татуировкам.

Еще одним свидетельством взаимодействия матросской и криминальной субкультур является то, что в 1920-е гг. «клёшниками» часто называли представителей уголовного мира. Писатель В. А. Каверин в повести «Конец хазы» (1925) описал бандита «в брюках с таким клешем, что нога болталась в них, как язык в колоколе» [11, с. 279–280].

В связи с этим стоит вспомнить известного петроградского налетчика Ленку Пантелеева (Леонид Пантелкин, 1902–1923). Он и его сообщники иногда совершали преступления, переодевшись в матросскую форму [21, с. 110]. Пантелеев не служил во флоте, но городские легенды и устное творчество тех лет наделили его чертами матросского облика: «Ленька Пантелеев – сыщиков гроза. На руке браслетка, синие глаза. У него открытый ворот в стужу и в мороз, сразу видно, что матрос» [16, с. 54].

Вспомним, что одним из проявлений матросской субкультуры следует считать своеобразное ухарство или «фатовство» по отношению к негативным проявлениям. Заметным оно было и в отношении части матросов к венерическим заболеваниям. Начальник военно-морских сил РККА Р. А. Муклевич в приказе по ВМС РККА от 9 сентября 1927 г. констатировал, что за 1925–1926 гг. среди личного состава Черноморского флота выросла заболеваемость венерическими болезнями. Муклевич отметил, что она не только выше, чем в других флотах СССР, но выше, чем в дореволюционном российском флоте и во флотах западных стран. Сообщалось, что среди «венериков» много членов ВКП(б) и комсомольцев. В приказе с сожалением констатировалось,

что это является признаком морального разложения, не встречающего последовательного и резкого осуждения, и что среди личного состава не сформировано негативного общественного мнения по отношению к заразившимся. «Последние, – писал Муклевич, – чувствуют себя своеобразными героями и зачастую не успевают, вылечившись, выписаться из госпиталя, как заболевают снова» [33, с. 66].

В 1930-е гг. упоминания матросской субкультуры становятся редкими. Тем не менее иногда командованию приходилось принимать меры для борьбы с некоторыми ее проявлениями, прежде всего в сфере нарушений предписанной формы одежды. Так, в приказе старшего морского начальника Ленинграда от 3 августа 1940 г. говорилось, что начальствующий и рядовой состав морского гарнизона Ленинграда плохо выполняет уставные требования к форме одежды. Особенно неприглядный вид, как отмечалось в документе, имели головные уборы – фуражки в форме «блина» [28, л. 28].

Выводы

Субкультура матросов отечественного военно-морского флота, какой она предстает перед исследователем в сохранившихся источниках, оформилась во второй половине XIX – начале XX в. В революционные и первые послереволюционные годы она приобрела эпатажные формы, ярко отразившиеся в художественной литературе и воспоминаниях современников. Эти бросавшиеся в глаза наблюдателям черты внешнего вида и поведения матросов революционных и первых послереволюционных лет во многом были вызваны к жизни политической обстановкой того периода и временным ослаблением, а в некоторых случаях полным исчезновением административных стеснений и внешней регламентации общественной жизни. Матросская субкультура 1920-х гг. имела тесную взаимосвязь с уголовной субкультурой. Постепенный переход советского общества к жестким стандартам внешнего вида и поведения его членов в конце 1920-х – 1930-е гг. сказался и на субкультуре матросов военно-морского флота. Наиболее яркие ее проявления «ушли в подполье». Однако, несмотря на активную борьбу военно-морского командования с тем, что во флотской печати и документах именовалось «негативными явлениями», окончательно они побеждены не были, а продолжали бытовать и в дальнейшем.

Список источников

1. А. Б. От Ревеля до Мадагаскара / А. Б. // Море и его жизнь. – 1905. – № 19–20. – С. 352–356.
2. Благодарев, С. Дисциплина и служба на корабле / С. Благодарев // Морской сборник. – 1925. – № 9. – С. 34–39.
3. Бонч-Бруевич, М. Д. Вся власть Советам: Воспоминания / М. Д. Бонч-Бруевич. – Москва : Воениздат, 1957. – 358 с.
4. Бочаров, А. А. Клёшники: К изучению субкультуры матросов военно-морского флота периода революции 1917 г. и Гражданской войны в России / А. А. Бочаров // Революция 1917 г. в России: события и концепции, последствия и память. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2017. – С. 424–432.
5. Бугрид. Подначка / Бугрид // Красноармеец и Краснофлотец. – 1930. – № 2. – С. 2–3.
6. Булдаков, В. П. Утопия, агрессия, власть : психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. / В. П. Булдаков. – Москва : РОССПЭН, 2012. – 756 с.
7. Бунин, И. Окаянные дни / И. Бунин // И. Бунин. Окаянные дни; М. Горький. Несвоевременные мысли. – Москва : Айрис-пресс, 2004. – 400 с.
8. Веселый, А. Реки огненные / А. Веселый // Веселый А. Избранная проза. – Ленинград : Лениздат, 1983. – С. 454–488.
9. Веселый, А. Россия, кровью умытая / А. Веселый. – Москва : Художественная литература, 1990. – 575 с.
10. «Жоржик» в картинках // Красный Флот. – 1923. – № 9. – С. 110.
11. Каверин, В. А. Конец хазы / В. А. Каверин // Каверин В. А. Собр. соч. : в 8 т. – Москва : Художественная литература, 1980. – Т. 1. – С. 234–327.
12. Корреспонденция из портов // Морской сборник. – 1866. – № 3. – С. 2.

13. Красный флот и комсомольская печать (Обзор комсомольской печати на местах) // Красный флот. – 1923. – № 8. – С. 43.
14. Кронштадтская трагедия 1921 г. Документы : в 2 кн. – Москва : РОССПЭН, 1999. – Кн. 1. – 686 с.
15. Кураев, М. Н. Капитан Дикштейн / М. Н. Кураев // Питерская Атлантида: Повести и рассказы. – Санкт-Петербург : Лениздат, 1999. – С. 141–268.
16. Лебина, Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 гг. / Н. Б. Лебина. – Санкт-Петербург : Журнал «Нева»: Летний сад, 1999. – 316 с.
17. Лепко, В. О распорядке внутренней жизни корабля / В. Лепко // Морской сборник. – 1907. – № 7. Неофициальный отдел. [Приложение]. – С. 1–65.
18. Никольский, И. О состоянии дисциплины и мерах для ее укрепления / И. Никольский // Морской сборник. – 1925. – № 9. – С. 27–33.
19. О плавании винтового корвета «Кречет» в Черном море (рапорт командира, капитана 2 ранга Добровольского) // Морской сборник. – 1862. – № 8. Официальные статьи и известия. – С. 139–157.
20. Паустовский, К. Г. Повесть о жизни / К. Г. Паустовский // Паустовский К. Г. Собр. соч. : в 6 т. – Москва : Художественная литература, 1957. – Т. 3. – 791 с.
21. П-в, В. «Андреевский флаг»... в 1927 г. (о краснофлотских песнях) / В. П-в // Красный флот. – 1927. – № 8. – С. 47–51.
22. Пименов, Ю. Дела и люди Ленинградской милиции: Очерки истории / Ю. Пименов, И. Савченко, В. Лесов, А. Т. Скилягин. – Ленинград : Лениздат, 1967. – 376 с.
23. Рапорт командира фрегата «Дмитрий Донской» капитан-лейтенанта Беклешова. 11 февраля 1863 г. // Морской сборник. – 1863. – № 5. Часть официальная. – С. 231–234.
24. Рапорт командира фрегата «Дмитрий Донской» капитан-лейтенанта Беклешова. 31 декабря 1862 г. // Морской сборник. – 1863. – № 3. Официальные статьи и известия. – С. 46–47.
25. Рапорт командира клипера «Разбойник» капитан-лейтенанта Ратькова // Морской сборник. – 1860. – № 9. Официальные статьи и известия. – С. 127–140.
26. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее – РГАВМФ). – Ф. 417. – Оп. 4. – Д. 6649.
27. РГАВМФ. – Ф. 479. – Оп. 2. – Д. 194.
28. РГАВМФ. – Ф. р-748. – Оп. 1. – Д. 166.
29. Самойлов, К. Через устав – к образцовому кораблю / К. Самойлов // Красный флот. – 1926. – Кн. 1. – С. 15–17.
30. Толстой, А. Н. Хождение по мукам / А. Н. Толстой // Собр. соч. : в 10 т. – Москва : Художественная литература, 1959. – Т. 5. – 639 с.
31. Ульянова, С. Б. Пагубные страсти населения Петрограда – Ленинграда в 1920-е гг. Обаяние порока / С. Б. Ульянова, И. В. Сидорчук. – Москва : Центрполиграф, 2020. – 318 с.
32. Цывинский, Г. Ф. 50 лет в императорском флоте / Г. Ф. Цывинский. – Рига : Orient, [б/г]. – 364 с.
33. «Чувствуют себя своеобразными героями» // Источник: Документы русской истории. – 1997. – № 5 (30). – С. 66–67.

References

1. A. B. Ot Revelya do Madagaskara [From Revel to Madagascar]. *More i ego zhizn* [The Sea and Its Life]. 1905, no. 19–20, pp. 352–356.
2. Blagodarev, S. Distsiplina i sluzhba na korable [Discipline and Service on a Ship]. *Morskoy sbornik* [Naval Collection]. 1925, no. 9, pp. 34–39.
3. Bonch-Bruevich, M. D. *Vsya vlast Sovetam: Vospominaniya* [All Power to the Soviets: Memoirs]. Moscow: Voenizdat; 1957, 358 p.
4. Bocharov, A. A. Kleshniki: K izucheniyu subkultury matrosov voenno-morskogo flota perioda revolyutsii 1917 goda i Grazhdanskoy voyny v Rossii [The “Kleshniki”: A Study of the Sailor Subculture During the 1917 Revolution and the Civil War in Russia]. *Revolutsiya 1917 goda v Rossii: sobytiya i kontseptsii, posledstviya i pamyat* [The 1917 Revolution in Russia: Events and Concepts, Consequences and Memory]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin; 2017, pp. 424–432.
5. Bugrid. Podnachka [The Trick]. *Krasnoarmeets i Krasnoflotets* [Red Army Soldier and Red Navy Sailor]. 1930, no. 2, pp. 2–3.
6. Buldakov, V. P. *Utopiya, agressiya, vlast: psikhosotsialnaya dinamika postrevolyutsionnogo vremeni. Rossiya, 1920–1930 gg.* [Utopia, Aggression, Power: The

Psychosocial Dynamics of Post-Revolutionary Time. Russia, 1920–1930]. Moscow: ROSSPEN, 2012, 756 p.

7. Bunin, I. Okayannye dni [Cursed Days]. *Bunin I. Okayannye dni; Gorkiy M. Nesvoevremennye mysli* [Bunin I. Cursed Days; Gorky M. Untimely Thoughts]. Moscow: Airis-press, 2004, 400 p.

8. Veselyy, A. Reki ognennye [Rivers of Fire]. *Veselyy A. Izbrannaya proza* [Veselyi A. Selected Prose]. Leningrad: Lenizdat; 1983, pp. 454–488.

9. Veselyy, A. *Rossiya, krovyu umytaya* [Russia Washed in Blood]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1990, 575 p.

10. “Zhorzhik” v kartinkakh [“Georgie” in Pictures]. *Krasnyy flot* [Red Fleet]. 1923, no. 9, p. 110.

11. Kaverin, V. A. Konets khazy [The End of the Khaza]. *Kaverin V. A. Sobranie sochineniy: v vosmi tomakh* [Kaverin V.A. Collected Works: in 8 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1980, vol. 1, pp. 234–327.

12. Korrespondentsiya iz portov [Port Correspondence]. *Morskoy sbornik* [Naval Collection]. 1866, no. 3, p. 2.

13. Krasnyy flot i komsomolskaya pechat (Obzor komsomolskoy pechati na mestakh) [The Red Fleet and Komsomol Press (Review of Local Komsomol Press)]. *Krasnyi flot* [Red Fleet]. 1923, no. 8, p. 43.

14. *Kronshtadtskaya tragediya 1921 goda. Dokumenty: v dvukh knigakh* [The Kronstadt Tragedy of 1921. Documents: in 2 books]. Moscow: ROSSPEN; 1999, book 1, 686 p.

15. Kuraev, M. N. Kapitan Dikshteyn [Captain Dickstein]. *Kuraev M. N. Piterskaya Atlantida: Povesti i rasskazy* [Kuraev M. N. The Petersburg Atlantis: Stories and Tales]. Saint Petersburg: Lenizdat; 1999, pp. 141–268.

16. Lebina, N. B. *Povsednevnyaya zhizn sovetskogo goroda: normy i anomalii. 1920–1930 gody* [Everyday Life of a Soviet City: Norms and Anomalies. 1920–1930]. Saint Petersburg: Zhurnal “Neva”; Letnii sad; 1999, 316 p.

17. Lepko, V. O rasporyadke vnutrennei zhizni korablya [On the Routine of Shipboard Life]. *Morskoy sbornik* [Naval Collection]. 1907, no. 7, pp. 1–65.

18. Nikolskiy, I. O sostoyanii distsipliny i merakh dlya ee ukrepleniya [On Discipline and Measures to Strengthen It]. *Morskoy sbornik* [Naval Collection]. 1925, no. 9, pp. 27–33.

19. O plavanii vintovogo korveta “Krechet” v Chernom more (raport komandira, kapitana 2 ranga Dobrovolskogo) [On the Sailing of the Screw Corvette “Krechet” in the Black Sea (Report of the Commander, Captain 2nd Rank Dobrovolsky)]. *Morskoy sbornik* [Naval Collection]. 1862, no. 8, pp. 139–157.

20. Paustovskiy, K. G. Povest o zhizni [Story of Life]. *Paustovskiy K. G. Sobranie sochineniy: v shesti tomakh* [Paustovskii K. G. Collected Works: in 6 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1957, vol. 3, 791 p.

21. P-v., V. “Andreevskii flag”... v 1927 godu (o krasnoflotskikh pesnyakh) [The “St. Andrew’s Flag”... in 1927 (On Red Navy Songs)]. *Krasnyy flot* [Red Fleet]. 1927, no. 8, pp. 47–51.

22. Pimenov, Yu., Savchenko, I., Lesov, V., Skilyagin, A. T. Dela i lyudi Leningradskoy militsii: Ocherki istorii [Deeds and People of the Leningrad Police: Historical Essays]. Leningrad: Lenizdat; 1967, 376 p.

23. Raport komandira fregata “Dmitrii Donskoi” kapitan-leytenanta Bekleshova. 11 fevralya 1863 g. [Report of the Commander of the Frigate “Dmitry Donskoy”, Captain-Lieutenant Bekleshova. February 11, 1863]. *Morskoy sbornik* [Naval Collection]. 1863, no. 5, pp. 231–234.

24. Raport komandira fregata “Dmitrii Donskoi” kapitan-leytenanta Bekleshova. 31 dekabrya 1862 g. [Report of the Commander of the Frigate “Dmitry Donskoy”, Captain-Lieutenant Bekleshova. December 31, 1862]. *Morskoy sbornik* [Naval Collection]. 1863, no. 3, pp. 46–47.

25. Raport komandira klipera “Razboinik” kapitan-leytenanta Ratkova [Report of the Commander of the Clipper “Razboinik”, Captain-Lieutenant Ratkov]. *Morskoy sbornik* [Naval Collection]. 1860, no. 9, pp. 127–140.

26. *The Russian State Naval Archive*. Fund 417, inventory 4, case 6649.

27. *The Russian State Naval Archive*. Fund 479, inventory 2, case 194.

28. *The Russian State Naval Archive*. Fund r-748, inventory 1, case 166.

29. Samoylov, K. Cherez ustav – k obraztsovomu korablyu [Through the Charter – to an Exemplary Ship]. *Krasnyy flot* [Red Fleet]. 1926, book 1, pp. 15–17.

30. Tolstoy, A. N. Khozhdenie po mukam [Road to Calvary]. *Tolstoy A. N. Sobranie sochineniy: v desyaty tomakh* [Tolstoi A.N. Collected Works: in 10 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1959, vol. 5, 639 p.

31. Ulyanova, S. B., Sidorchuk, I. V. Pagubnye strasti naseleniya Petrograda – Leningrada v 1920-e gody. Oboianie poroka [The Pernicious Passions of Petrograd – Leningrad in the 1920s. The Allure of Vice]. Moscow: Tsentrpoligraf; 2020, 318 p.

32. Tsyvinskiy, G. F. *50 let v imperatorskom flote* [50 Years in the Imperial Navy]. Riga: Orient; n.d., 364 p.

33. "Chuvstvuyut sebya svoeobraznymi geroyami" ["They Feel Like Peculiar Heroes"]. *Istochnik: Dokumenty russkoi istorii* [Source: Documents of Russian History]. 1997, no. 5 (30), pp. 66–67.

Информация об авторах

Бочаров А. А. – кандидат исторических наук;

Коломейцев И. В. – кандидат философских наук.

Information about the authors

Bocharov A. A. – Candidate of Historical Sciences;

Kolomeitsev I. V. – Candidate of Philosophical Sciences.

Вклад авторов

Бочаров А. А. – работа в архиве, научное руководство, разработка концепции исследования, обоснование цели статьи, написание исходного текста, сведение данных, итоговые выводы;

Коломейцев И. В. – работа в архиве, обработка и представление статистических данных, материалов источников, доработка текста, итоговые выводы.

Contribution of the authors

Bocharov A. A. – work in archives, scientific management, research concept, justification of the purpose of the article, writing the draft, the consolidation of data, final conclusions;

Kolomeitsev I. V. – work in archives, processing and presentation of statistical data, source materials, follow-on revision of the text; final conclusions.

Статья поступила в редакцию 06.07.2025; одобрена после рецензирования 31.07.2025; принята к публикации 30.09.2025.

The article was submitted 06.07.2025; approved after reviewing 31.07.2025; accepted for publication 30.09.2025.